

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

УДК 316.354:351/354

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ БЕЗНАДЗОРНОСТИ ДЕТЕЙ

© 2012 г.

Э.Ф. Алимова

Казанский национальный государственный технологический университет

alfiaa@mail.ru

Поступила в редакцию 10.06.12

Рассматривается интегративная парадигма, объединяющая объективистскую и субъективистскую традиции в решении социальных проблем, в том числе проблемы безнадзорности детей. Интегративная парадигма позволяет наиболее полно рассмотреть структуру социальной проблемы, состоящей из «вовлеченных», «причастных» и «ценностно-нормативного» аспектов для выработки аутентичных механизмов в решении социальных проблем.

Ключевые слова: объективистский, субъективистский подход, интегративная парадигма, безнадзорность, причастные, вовлеченные, ценностно-нормативная составляющая, страх, стыд, вина.

В последние годы возрастает внимание отечественных и зарубежных социологов к исследованию социальных проблем. Ориентация американской социологии на изучение конкретных социальных проблем в начале XX века позволила накопить определенный опыт и поставить вопрос о создании специальной отрасли социального знания – социологии социальных проблем. В ней развиты два основных онтологических представления о социальных проблемах: объективистское и субъективистское, включающее и конструкционистский подход [1; 2, с. 160–175].

Объективистский, или, по Дж. Ритцеру, фактуалистский подход восходит к позитивистской традиции в социологии XIX века и трактует социальную проблему исключительно как условие, существующее независимо от воли и сознания действующих индивидов и групп [3, с. 571]. Объективную составляющую социальной проблемы можно зафиксировать и количественно описать, выяснить причины, проследить генезис данного явления и по возможности предложить определенные меры по исправлению данной ситуации. Субъективистское, или дефинистское (Дж. Ритцер), направление в исследовании социальных проблем опирается на социологию социального действия М. Вебера и исследования социального взаимодействия. Согласно этой традиции счи-

тается, что без субъективного определения социальная проблема как таковая в общественном сознании не существует. Для этого направления важно, «кто» и «как» придает статус социальной проблемы некоей существующей или даже несуществующей ситуации.

Некоторые социальные практики используют методологию конструктивизма, направленную на анализ действий индивидов и групп, выдвигающих утверждения – требования о существовании каких-либо проблем. Но конструктивистский подход, при всей его несомненной информативности, ориентирован на социальную критику, в первую очередь критику власти и ближе «чистым» социологам, чем социальным политикам, социальным работникам, специалистам, занимающимся проблемами детей и реального осуществления их прав. Нам представляется, что социальным практикам, профессионально ориентированным на позитивное решение социальных проблем, должны быть ближе те теории, которые позволяют определять позиции конкретных людей в конкретных ситуациях с учетом тех объективных обстоятельств, которые сопровождают весь процесс возникновения и решения проблем. Поэтому интеграция объективной и субъективной теорий всегда привлекала внимание исследователей.

Р. Фуллер и Р. Майерс (1941) заложили, помимо конструктивистского подхода, основы третьего подхода, объединяющего объективные условия и субъективное определение [4, с. 139]. Как уточнял Эмиль Дюркгейм, социолог должен считаться с «коллективными представлениями», которые, «единожды возникнув, становятся частично автономными реалиями» и воздействуют на реальность через объяснение, формулирование и информацию (понимаемую двойко: формирование мышления и распространения), присущую любой форме представления. Но эти представления являются тем более эффективными, чем сильнее они соответствуют объективным трансформациям, на которые исследователь должен прежде всего обращать свое внимание, поскольку эти трансформации лежат в основе возникновения и содержания данных представлений [5].

Наиболее активно разрабатывали объединенный подход западные исследователи. С точки зрения П. Бурдьё, «объективизм и субъективизм находятся в диалектической взаимосвязи», и все, что делает человек, с чем он сталкивается в социальном мире, – это практика. Она не может быть сведена ни к объективному целенаправленному преобразованию социального мира, ни к субъективному опыту сознания, а является действительным претворением в жизнь социальных конструкций.

Механизмом претворения в жизнь социальных конструкций является габитус, выступающий в качестве систематизированной модели восприятия и оценки, включающей когнитивные и оценочные структуры, являющиеся результатом длительного опыта субъекта и обусловленные определенной социальной позицией. Можно сказать, что габитус одновременно представляет собой систему моделей воспроизводства поведения и систему моделей восприятия и оценки поведения. Модели восприятия социальной реальности формируются, в свою очередь, на символическом уровне через риторику, язык, символы и принимают различные формы выражения индивидуальных или коллективных представлений о тех или иных ситуациях и проблемах [6]. Получается, что представления и речь участвуют в конструкции социальной реальности. В определенных условиях социального «поля», благоприятных для вербального выражения представлений и положений, последние могут привести к тому, что окружающие личности воспринимают элементы высказанного и участвуют в их институционализации, то есть закреплении в обще-

ственном сознании. Таким образом, П. Бурдьё утверждает, что социальная реальность состоит из объективных структур, не зависящих от сознания и воли субъектов и способных стимулировать или сдерживать их действия и стремления, и субъективной структуры каждого агента.

Наиболее последовательный анализ концепции, совмещающей объективную и субъективную составляющие, предложил Дж. Ритцер. Как отмечал он в своей автобиографии, «меня не устраивал конфликт парадигм и я хотел видеть в социологии больше гармонии и интеграции», что и привело к публикации работы «К интегрированной социологической парадигме» [3, с. 574]. Отмечая, что «существует множество явлений, занимающих промежуточные положения, обладающих и объективным, и субъективными элементами», Дж. Ритцер предлагает интегрированную парадигму, которая совмещает объективно-субъективный и микро-макро уровни социологического анализа. В качестве микро-макроконтинуума автором рассматривается социализационный процесс в эволюции от простого к сложному: индивидуальное мышление и взаимодействие – взаимодействие группы – организации – общества – мировые системы. Объективно-субъективный континуум представляет собой совокупность мира материального и нематериального. Объективное социальное явление обладает реальным материальным существованием. Можно представить такие объективные социальные явления: акторы, бюрократические структуры, закон и государственный аппарат. Но есть социальные явления, существующие исключительно в мире идей; они не имеют материального воплощения. Это такие явления, как мыслительные процессы, социальное конструирование реальности, нормы, ценности и многие элементы культуры. Дж. Ритцер отмечает, что интегрированную парадигму следует рассматривать как «метатеоретический инструмент», который может применяться при анализе социальных явлений [3, с. 577–578].

Российские социологи также предприняли попытки заложить теоретические основы совмещения объективной и субъективной составляющей социальной проблемы. Например, комплексный подход О.И. Иванова или мультипарадигмальный подход (Е.Р. Ярская-Смирнова, П.В. Романов, О.В. Бойко) [1; 7, с. 28–37]. Но, на наш взгляд, наиболее полно рассмотрена интегративная парадигма Т.М. Симоновой, которая взяла за основу исследова-

ния объективный и субъективный уровни социологического анализа Дж. Ритцера [8].

Наиболее полно передает суть интегративной парадигмы определение социальной проблемы, данное Е. Рубингтоном и М. Вайнбергом. «Социальная проблема – это предполагаемая ситуация, несовместимая с ценностями значительного числа людей, утверждающих, что необходимо действовать с целью ее изменения» [9; р. 4]. Данное определение позволяет рассматривать социальную проблему, в том числе и проблему безнадзорности, в единстве ее объективных и субъективных сторон, кроме того, оно указывает на основные признаки социальной проблемы:

– конкретная ситуация, которая может быть описана непредвзятым наблюдателем (история возникновения, масштабы распространения и другие количественные характеристики);

– индивиды и группы, оценивающие ситуацию как проблему в соответствии с ценностями, которые разрушает возникшая ситуация и с восстановлением которых связано решение социальной проблемы (представления о социальной справедливости, нарушение конституционных прав человека и т. д.);

– требования изменить ситуацию, сложность ее решения и поиски путей решения проблемы [8, с. 67].

В исследовании социальных проблем в контексте субъективистской традиции можно выделить две основные разномотивированные категории субъектов определения социальной проблемы: «причастных» и «вовлеченных» [10, с. 150–159].

К «причастным» к проблеме относятся все те, кто участвует в процессе развития проблемы и осознает, что для их социального положения или деятельности некая социальная ситуация является трудноразрешимой. Но и «причастные» к проблеме люди, и «вовлеченные» действуют в культурном и правовом поле, фундаментальными категориями которого являются определенные ценности, нормы, механизмы социального контроля, традиции. То есть ценностно-нормативная составляющая пронизывает как деятельность общества, так и выработку аутентичных ответов в виде определенных поступков и действий людей в контексте той или иной социальной проблемы.

Рассмотрим более подробно все вышеперечисленные категории социальной проблемы: «причастных», «вовлеченных» и ценностно-нормативную составляющую.

К «причастным» в структуре проблемы безнадзорности можно отнести жертв, первичных

заявителей жалоб, привлекающих внимание к социальным проблемам (к ним, согласно Дж. Бесту, можно отнести активистов социальных движений, официальных лиц, а также экспертов: ученых, врачей и других авторитетных специалистов), и вторичных заявителей, распространяющих информацию через СМИ, а также, с точки зрения Д. Лосик, общественность (представители различных общественных организаций, признанные литераторы, ученые, деятели культуры) а также мнения различных групп населения и виновных [11; 12]. Причем в качестве виновных априори выступают родители или лица их заменяющие, если, с точки зрения культурных норм, существующих в обществе, они недостаточно выполняют свои обязанности по воспитанию ребенка.

В российской культуре искажено смысловое содержание слова «вина». Вина, по словарю Даля, начало, причина, источник, повод, предлог, и этимология слова «вина» почти во всех европейских языках сводится к двум значениям: 1) моральное замечание; 2) денежное обязательство или то, что вызывает денежное обязательство [13]. Моральное замечание предполагает установление некоторого отношения к совершенному поступку или к обозначению самого поступка, а это отношение зависит от ценностей и традиций нашего общества, среди которых в настоящее время основными являются вина (в значении преступления) и страх.

В нашей культуре, одним из аспектов которой является педагогическая мораль должностования, вина является характеристикой и свойством самого человека. Изменение смыслового содержания слова «вина» можно проследить по тем значениям, которые даются в словарях Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова, изданных при советской власти в 1940 г. и в 1984 г. [14,

с. 15]. Язык, слово — это не только, как писал Эрнст Кассирер, «посредник при формировании объектов», но гораздо более — «обусловленность поведения», как показали независимо друг от друга Эдвард Сепир и Бенджамин Ворф [16, с. 98–99]. Так, слово «вина» (проступок, прегрешение, провинность) в словаре Ушакова имеет такое же толкование, как и в словаре

В. Даля. Но уже в словаре С.И. Ожегова данное слово означает преступление. Таким образом, то, что первоначально служило для оценки поступка, позже стало использоваться для оценки человека, и соответственно определяет

последующие шаги по выработке наказания, что и осуществляется в нашем обществе по отношению к родителям или опекунам детей, как правило, в наиболее жесткой форме воздействия – лишения родительских прав [17, с. 29].

Наказание предполагает наличие отклонения поведения (в данном случае поведение родителей, не осуществляющих надлежащий уход за ребенком) от существующих норм и правил, то есть девиацию и является составной частью социального контроля, что связано с вопросом обеспечения социального порядка, общественной стабильности.

Девиантное поведение есть отступление, отказ постоянно следовать общепринятым нормам. В отечественной социологии получила признание формулировка девиантного поведения, которую дает Я. Гилинский: «девиантное поведение – это поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям» [18, с. 23]. Любая девиация представляет собой механизм адаптации к вызовам системы в случаях, когда акторы по тем или иным причинам не имели возможность следовать социально одобряемым нормам.

С точки зрения Алекса Тио, все теории девиантного поведения можно разделить на две основные группы, которые по-разному определяют роль социального контроля: научную и гуманитарную [19, р. 78]. Отклоняющееся поведение, по мнению представителей научного подхода, признается дисфункциональным, ненормативным, разрушающим равновесие социальной системы, ведущим к ее дезинтеграции. В этом случае на индивида, при его девиантном поведении распространяется действие системы социального контроля. С позиции гуманитарного подхода отклонение рассматривается как порождение общества, результат чрезмерного социального контроля, когда на поведение личности общество реагирует негативными санкциями. По мнению представителей этого подхода, девиация – не внутренне присущее тому или иному действию качество, а следствие деятельности государства, соотнесения действия с правилами применения санкций к нарушителю [20, с. 10–12].

Позиция гуманитарного подхода наиболее полно отражает происхождение девиантных практик родителей. Здесь не только имеется в виду безработица, наркомания, алкоголизм, жестокость, но и стремление к карьерному ро-

сту, которое предполагает уменьшение внимания к ребенку и времени пребывания с ним.

В целом социальный контроль сводится к тому, что общество через свои институты задает ценности и нормы, обеспечивает их трансляцию и социализацию, вырабатывает санкции к нарушителям норм (поощрение или наказание). Термин «социальный контроль» впервые появился в работе Э. Росса «Социальный контроль: исследование основ порядка», вышедшей в 1901 г., где, рассматривая природу социальной солидарности в сложных социальных системах, он определял социальный контроль как «социальные процессы, которые координируют функции, индивидуумы и группы в одно организованное целое» [21, с. 218]. Э. Росс отмечал, что общество обладает свойством «трансформирующего доминирования», следствием которого является приведение человеческих чувств и желаний к состоянию, удовлетворяющему групповым интересам.

Наиболее полное определение социального контроля, на наш взгляд, дано в определении В.А. Климова: «социальный контроль представляет собой совокупность общественных процессов, имеющих целью наблюдение за функционированием социальных объектов, проверку и оценку результатов их деятельности в соответствии с социальными нормами, а также применение к объектам определенных мер воздействия с целью ликвидации негативных явлений и тенденций и развития позитивных» [22; с. 9]. К середине 20 века все теории социального контроля оформились в понятия *формального и неформального* контроля. Формальный социальный контроль определяется как целенаправленно созданные специализированные организации и механизмы государственного управления [23; р. 18]. К неформальному контролю обычно относят процессы интериоризации, социализации, социального давления, а также общественное мнение и сходные регулятивные механизмы, вытекающие из неформального общения людей [24]. При этом многими авторами отмечается приоритет неформальных способов контроля над формальными. В контексте заявленной темы понятие социального контроля используется в значении процесса регуляции межличностных отношений (в первую очередь, отношения внутри семьи, между родителями и детьми), общественных отношений, который включает как профилактику безнадзорности (куда входит проверка и оценка результатов деятельности различных институтов социализации), так и наблюдение, в виде патронажа над семьями,

находящимися в трудной жизненной ситуации, а также сокращение и устранение (репрессии) различных видов девиантных практик с помощью системы правовых мер. Все вышеперечисленные формы социального контроля осуществляются в рамках различных институтов общества: политического (нормотворчество, поддержание социального порядка), экономического (поддержание социально приемлемых условий жизни), образования и семьи (активная социализация личности, поддержание ценностного образца).

Как было отмечено, одной из важнейших функций социального контроля является регулятивная функция, имеющая в качестве основных механизмов неформального воздействия на человека и определяющая его поведение (в том числе и отношение к своим обязанностям по уходу за ребенком) такие категории, как стыд, вину, страх. С точки зрения социальной психологии стыд и вина — разные формы тревожности, связанные с самооценкой. Стыд означает тревогу за свою репутацию. Он возникает, когда индивид чувствует, что не отвечает ожиданиям окружающих, что он в чем-то слабее других, каковы бы ни были причины этой слабости. Вина выражает озабоченность по поводу личных качеств, за которые индивид чувствует себя полностью ответственным. «Стыд покоится на озабоченности индивида своей компетентностью, силой или могуществом, выражает желание избежать видимости неудачи, слабости или зависимости. Вина покоится на озабоченности индивида своей правотой, выражает желание чувствовать себя правым. Вина ощущается тогда, когда индивид, определяя себя по оси «хороший – плохой», кажется самому себе плохим; стыд – когда индивид, определяя себя по оси «сильный – слабый», кажется себе слабым» [25, р. 85].

Что касается страха, то он является реакцией на реальную или потенциальную опасность, грозящую физическому или моральному существованию личности, являющейся одним из основных защитных механизмов человека. Страх сигнализирует об угрозе как биологическому существованию, так и ценностям, которые индивид считает необходимыми для его жизни. Проблема страха достаточно глубоко проработана в психологической литературе, и современные подходы к объяснению развертывания страха рассматривают «первым модулем в этой цепочке – испуг, далее могут следовать волнение, тревога (если источник опасности не определен) и страх (если источник вы-

явлен)» [26]. Но примерно с 20-х годов XX века категория «страх» становится предметом изучения социологии. Страх как социальный феномен зависит от социальной системы, но в то же время оказывает на нее влияние. Являясь постоянным аспектом социальной жизни и общества, страх получает и продолжает получать определенную оценку в общественном сознании. На более ранних этапах развития человечества страх оценивался скорее положительно, так как выполнял, прежде всего, сигнальную функцию, предупреждая об опасности, и способствовал самосохранению живого существа. В дальнейшем при становлении государственности страх приобрел социальный смысл и стал выполнять упорядочивающую, организационную функцию. О том, что добиться подобного повиновения тем властным силам, которые упорядочивали и соответственно ограничивали спонтанную активность подчиняемых, было отнюдь не просто, свидетельствует распространенность жестоких пыток, насилия, убийств, бывших рутинным делом в повседневной практике управления. В дальнейшем была переоценена способность страха выступать фактором, повышающим организованность в жизни сообществ, облегчать задачи управления. Пришло понимание, что повиновение и послушание из страха не только не является организующим фактором, но, напротив, вносит в социальную жизнь дезорганизацию. Эта дезорганизация недоступна управлению, так как коренится на микроуровне личности. Парализованный страхом человек, если и способен действовать, то действие его неадекватно ситуации, деструктивно и разрушительно [27; 28]. Еще одна функция страха – культурная. Данная функция прежде всего заключалась в трансляции необходимых для общества моделей поведения и реализовывалась через воспитательные и социализирующие аспекты страха. «Жена да убоится мужа своего, дети – страшитесь родительского гнева, слабые – сильных, безвластные – властителей – эта культурная модель господствовала безраздельно не только на Востоке, но и на Западе» [27; 28]. Воспитательная роль страха была пересмотрена во второй половине XX столетия. Это было связано с развитием гуманизма. Дети, прежде всего, стали рассматриваться не как объект воспитательного воздействия, но как свободные становящиеся личности. Изменяющийся мир обесмыслил “вдалбливание” как метод обучения и воспитания, ведь многие навыки, казавшиеся ранее обязательными, могут оказаться ненужными к

тому времени, когда малыш станет взрослым. «Умение учиться и критическое мышление — вот что оказывается важным для становящейся личности. Но страх плохо приспособлен для воспитания названных качеств» [27, 28]. Страх, стыд и вина выступают не только как эмоциональные переживания, связанные с разными моральными санкциями (недаром их относят к числу моральных чувств или свойств моральной личности) [28, с. 88]. Эти же понятия используются при выделении основы типологии культур. Культуры, в которых главным механизмом социального контроля является стыд (т.е. люди ориентируются главным образом на оценку со стороны конкретных «других»), этнографы иногда называют «культурами стыда» (shame culture), а культуры, придающие решающее значение индивидуальной совести, которая предполагает интернализацию индивидом каких-то универсальных норм, — «культурами вины» (guilt culture) [29; р. 234, 499]. Эта типология неоднократно применялась при сравнении европейской культуры с восточными культурами [30–33]. В качестве типичной культуры стыда Рут Бенедикт рассматривала японскую культуру, где «стыд считается основой всех добродетелей» [30; р. 224].

В культуре, где принадлежность к определенной группе значит больше, чем сохранение индивидуальности, а главным механизмом социального контроля является стыд, у человека формируется привычка соотносить свои действия с моральными оценками окружающих, как правило, в малых группах, где нет социальной анонимности и преобладает полная социальная прозрачность и взаимодействие «лицом к лицу». Яркое описание стыда дает С.С. Томкинс. Он расценивает стыд как ощущение поражения, унижения, преступности, отчужденности. Стыд приходит к нам как внутренняя мука, как болезнь души. Безразлично, были ли причиной унижения и стыда чьи-то обидные насмешки или человек высмеял сам себя. В обоих случаях он чувствует себя будто нагим, потерпевшим поражение, отвергнутым, потерявшим достоинство» [30; р. 185].

В качестве культуры вины исследователи рассматривали европейскую культуру, где на определенной ступени исторического развития возникает личность, способная ориентировать свое поведение изнутри, равняясь на усвоенные ею принципы и нормы. Только здесь появляется категория совести как внутренней моральной инстанции, осуществляющей суд над человеком, включая не только его поступки, но

и его помыслы; понятие «обязанности как чего-то принудительного перерастает в понятие долга как внутреннего императива, а идеал родовой или сословной чести уступает место понятию индивидуального достоинства» [34, с. 257–284].

Культура вины в России была сформирована, по крайней мере в элитных кругах, к началу XX века. Советская власть добила того, что едва ли не все носители культуры вины были либо убиты, либо уехали. Сформировалась советская культура стыда, когда большую роль в жизни граждан играла коммунистическая партия, система социалистического соревнования, доски почета, доски позора на каждом предприятии, в каждом районе. Впоследствии культуру стыда сменила культура страха. Большевицкая идеология апеллировала к массовым эмоциям и чувствам. В результате сформировалось специфическое общество, в основе идеологии которого лежала идея мировой катастрофы. Значительная часть населения была убеждена, что страна окружена враждебными государствами, и готовилась к грядущей роковой битве с капиталистами и буржуазией. «Здесь можно видеть, как охвативший общество беспредельный катастрофизм внес катастрофу, основанную на страхе, в каждый дом, превратив повседневность миллионов в ад» [35, с. 94]. Культура страха — культура, в которой основное внимание уделяется созданию у человека страха допустить ошибку, чаще встречается в слабо развитых, часто тоталитарных обществах [36].

Основными характеристиками культуры «страха» являются: наличие предельно жестких, жестоких, «показных» санкций (тяжелые наказания — моральные или физические, вплоть до физического уничтожения); тотальный контроль с целью найти и наказать виновного; долгие разбирательства на тему, кто виноват, поиски виновного, прилюдное и громкое его наказание; мотивация человека направлена не на создание высших ценностей (долг, честь) а на проявление и переживание «животного» страха за свою жизнь.

Страшно жить в стране, где царит хаос, произвол и тебя в любой момент могут лишить прав, отнять имущество, собственность, обесценить накопленные тобой деньги, лишить свободы, а то и самой жизни. Страх и индивидуальный, и массовый является постоянной составляющей социальной жизни. Рост страхов способствует увеличению политического экстремизма и насилия в обществе и также по-

буждает людей к совершению безответственных действий на всех уровнях общества.

Страх вызывает почти полную атрофию чувства стыда (или, согласно китайской культуре, «потери лица»). Именно крайняя степень безнадзорности – беспризорность вызвана отсутствием чувства стыда у тех, кто отвечает за судьбу ребенка. Но такая установка характерна не для всякого, а лишь для «отчужденного индивида, формируемого бесправием, угнетением, социальной пассивностью и приспособительной репродуктивной деятельностью» [37, р. 147].

Если неформальный контроль осуществляется в основном через категории страха, стыда, вины, то формальный контроль – через категорию «вовлеченных», вынужденных заниматься сложившейся социальной проблемой либо в силу профессиональных обязанностей, либо добровольно в силу своих интересов. Профессионально заниматься социальной проблемой вынуждена центральная и местная власть в силу своих обязательств, заявленных в Конституции РФ.

К «профессионалам» можно также отнести представителей «помогающих» профессий. Представители «помогающих» профессий, в свою очередь, могут выступать как в роли «независимых экспертов» по проблеме, так и в роли «заинтересованных агентов», старающихся повлиять на решение проблемы и соотнести его со сферой своих профессиональных интересов.

Независимые эксперты должны быть специалистами по конкретным аспектам социальной проблемы безнадзорности детей и вместе с тем иметь представление о всей проблематике исследуемого социального явления и не должны работать в том же учреждении, которое решает проблемы конкретных детей. Роль независимых экспертов заключается в проведении социальной экспертизы проблемы безнадзорности детей. Социальная экспертиза является проводимым специалистами (экспертами) исследованием, включающим диагностику состояния социального объекта, установление достоверности информации о нем и окружающей его среде, прогнозирование его последующих изменений и влияния на другие социальные объекты, а также разработку рекомендаций для принятия управленческих решений и социального проектирования в условиях, когда исследовательская задача трудно формализуема [38, с. 175]. Представителями «заинтересованных агентов» являются те, чья работа связана с интенсивным,

тесным общением как с ребенком, так и с его окружением (врачи, священники, педагоги, юристы, социальные работники, психологи, психотерапевты, представители комиссии по делам несовершеннолетних и подразделения по делам несовершеннолетних).

К вовлеченным можно отнести «добровольцев», или волонтеров, ближайших родственников, друзей, соседей «жертв» проблемы, которые им сочувствуют и бескорыстно хотят помочь [8]. В этом случае также необходимо рассмотреть ценностно-нормативную составляющую культуры, включающую категории сострадания, заботы, доброты. Но, как показали социологические исследования ценностей культуры 32 стран, включая Россию, «средний россиянин сегодня сильнее, чем жители большинства европейских стран, привержен ценностям богатства власти, а также личного успеха и социального признания. Сильная ориентация на личное самоутверждение оставляет в его сознании меньше, чем у представителей других стран, места для заботы о равенстве и справедливости в стране и мире, о толерантности, о природе и окружающей среде и даже для беспокойства и заботы о тех, кто его непосредственно окружает» [39].

К «вовлеченным» можно также отнести представителей общественных партий, движений, организаций, которые соотносят обозначившуюся социальную проблему и ее решение со своими политическими лозунгами и, настаивая на ее существовании, стремятся, таким образом, к достижению своих политических целей.

Подведем итоги:

- на основе интегративного подхода можно провести всесторонний анализ социальной проблемы безнадзорности, включающей не только анализ ситуации возникновения проблемы, но и анализ поведения людей, определяющих ситуацию как проблему;
- для объяснения и понимания поведения людей в сложившейся ситуации необходимо выявление всех составляющих социальной проблемы безнадзорности: причастных, вовлеченных, ценностно-нормативную составляющую, определяющую механизмы социального контроля;
- при анализе неформального социального контроля необходимо учитывать категории страха, вины, стыда как категории культуры, опосредованно влияющие на коллективное сознание и индивидуальное поведение человека, приводящие в том числе к снижению ответственности за воспитание ребенка.

Список литературы

1. Иванов О.И. Введение в социологию социальных проблем. СПб.: Социол. изд-во им. М.М. Ковалевского, 2003. 284 с.
2. Ясавеев Р. Социология социальных проблем / Р. Ясавеев. // Контексты современности 2: Хрестоматия / сост. и ред. С.А. Ерофеев. 2-е изд., перераб. и доп. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2001. 186 с.
3. Ритцер Дж. Современные социологические теории / Пер с англ. А. Бойков, А. Лисицына. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
4. Фуллер, Р. Стадии социальной проблемы / Р. Фуллер, Р. Майерс // Контексты современности 2: Хрестоматия / Сост. и ред. С.А. Ерофеев. 2-е изд. перераб. и доп. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2001. 188 с.
5. Durkheim E. Les representations individuelles et les representations collectives (1924), reproduit en: Sociologie et philosophie. Paris: PUF.
6. Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 17–33.
7. Концептуализация социальной проблемы // Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / Под ред. Е.И. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: ИНИОН-РАН, 2002. 456 с.
8. Симонова Т.М. Социологическое исследование социальных проблем: интегративный подход: Автореф. дис. ... социол. наук. СПб., 2010. 40 с.
9. Rubington E., Weinberg M.S. The Study of Social Problems: Seven Perspectives. N.Y.: Oxford University Press, 2003. P. 4.
10. Блумер Г. Социальная проблема как коллективное поведение // Контексты современности 2: Хрестоматия; 2-е изд. перераб. и доп. / Сост. и ред. С.А. Ерофеев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 188 с.
11. Бест Дж. Социальные проблемы // Социальные проблемы. 2008. № 2. С. 71–80.
12. Городецкая П.И. Социальная интерпретация конструирования защиты прав детей-сирот в трансформирующемся российском обществе. Автореф. дис. ... социол. наук. СПб., 2008. 20 с.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка // Толковые словари и энциклопедии. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-3132.htm>, свободный.
14. Толковый словарь русского языка / Под ред. Ушакова Д.Н., изд. 1940 г. // Толковые словари и энциклопедии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dict.t-mm.ru/ushakov>, свободный.
15. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. д. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. 15-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1984.
16. Ленуар Р., Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии / Пер. с фр. А.Т. Бикбова, Д.В. Баженова Е.Д. Вознесенской, Г.А. Чередниченко; отв. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперимент. социол. СПб.: Алетейя, 2001 г. 410 с.
17. Шипунова Т.В. Насилие мира взрослых как причина ухода детей на улицу и в преступность // Социальная работа с семьей и детьми: Сб. ст. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2002. 290 с.
18. Гишинский, Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийства и других «отклонений». СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2004. 520 с.
19. Thio A. Deviant Behavior. USA: Houghton Mifflin Company, 1978.
20. Гишинский Я., Афанасьев В. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. СПб, 1993. С. 10–12.
21. Современная социологическая теория: в ее преемственности и изменении / Пер. с англ. В.М. Карзинкина, Ю.В. Семенова; общ. ред. и послесл. Д.И. Чесноков. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 895 с.
22. Климов В.А. Функции социального контроля на современном этапе / Под ред. Г.В. Дыльнова. Саратов: Изд-во Саратовского уни-та, 1988. 86 с. С. 9.
23. Cohen S. Social Control and the State. New York, 1983.
24. Хлопушин Р.Г. Социальный контроль наркотизма: моделирование превентивной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. X. № 3. С. 83–93.
25. Gouldner A.W. Enter Plato. Classical Greece and the Origins of Social Theory. N.Y., 1965.
26. Витковская М.И. Теоретико-методические проблемы изучения «страха» в социологии // Вестник РУДН. 2003. № 4–5. С. 74–79.
27. Шубкин В.Н. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / Под редакцией В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина, В.А. Ядова. Сер. «Научные доклады», № 96. М.: Москов. обществ. науч. фонд; Ин-т социол. РАН; Ун-т штата Мичиган, 1999. С. 27.
28. Словарь по этике /под ред. Кона И.С. 3-е изд. М.: Полит. лит., 1975. С. 88.
29. English H.B., English A.C. A Comprehensive Dictionary of Psychological and psychoanalytical terms. N.Y., 1958.
30. Benedict R. The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture / R. Benedict. N.Y., 1946.
31. Dodds E.R. The Greeks and the Irrational. Univ. California Press, 1951.
32. Piers G., Singer M.B. Shame and Guilt. Springfield, 1953.
33. Lynd H.M. On Shame and the Search for Identity/ H.M. Lynd N.Y., 1958.
34. Tomkins S.S. Affect, imagery, consciousness. Vol. II. The negative affects. New York, Springer, 1963.
35. Дробницкий О.Г. Понятие морали. М., 1974.
36. Матвеева С.Я., В.Э. Шляпентох. Страхи в России: в прошлом и настоящем. Новосибирск: Сибир. хронограф, 2000. 180 с.
37. Культура страха // Энциклопедия практической психологии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.psychologos.ru>

38. Milgram S. Obedience to Authority. N.Y., 1974.
39. Луков В.А. Социальное проектирование. Учеб. пособие 7-е изд. М.: Изд-во Московского гуманитар. универ. Флинта, 2007. 240 с.
41. Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами: Препринт WP6/2010/03. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 52 с.

INTEGRATIVE APPROACH TO SOLVING SOCIAL PROBLEMS OF NEGLECT

E.F. Alimova

Integrative paradigm which combines objectivist and subjectivist tradition in social problems solving, including problems of neglect of children is considered. Integrative paradigm allows to consider the structure of social problem, which consists of «involved», «implicated» and «value – normative» aspects for the development of authentic arrangements in social problems solving the most complete.

Keywords: objectivist, subjectivist approach, integrative paradigm, neglect, involved, implicated, value-normative component, fear, shame, guilt.